

УДК [1:316+39+130.2](470.11)(045)

МАТОНИН Василий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 78 научных публикаций, в т. ч. трех монографий, двух учебных пособий

МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОМЕЗЕНЬЯ¹

В статье исследованы механизмы конструирования социокультурного пространства Помезенья, выраженные в топонимике, ономастике, прозвищах и родовых фамилиях. Самоидентификация сельских жителей предполагает разделение крестьянского мира на «своих» и «чужих» по принадлежности к месту, к семье, к родовым именам и природным ресурсам.

Ключевые слова: *социокультурное пространство, аксиология, бинарные оппозиции, коммуникативные структуры, топонимия и ономастика Помезенья.*

Северный характер русской культуры заставляет ученых обратить внимание на ее границы. По мере приближения к Белому морю традиционное сельское хозяйство в Помезенье приобретало рудиментарный характер, а значение морских промыслов в такой же степени возрастало. Феномен пограничья предполагает бинарную самоидентификацию местных жителей, актуализированный диалог или неустойчивый баланс явлений культуры, представленных в различных формах коммуникации: в фолькло-

ре, топонимии, ономастике. Наше исследование опирается на эмпирический и аналитический материал, содержащийся в трудах Н.М. Терехихина, А.В. Новикова, В.В. Дранниковой, Н.А. Окладникова, Ю.М. Плюснина, а также на социологические и этнографические данные, полученные автором статьи в результате полевых исследований 2011–2012 годов [1, 3–5, 7].

«В каждой деревне – своя поредня»: порядок, приметы ландшафта, характер жителей, диалект, традиции хозяйствования. А.Я. Ефи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Архангельской области (проект № 12-13-29004 а/С «Образы финно-угорского, скандинавского и русского православного наследия в этнокультурном ландшафте Поморья»).

менко различала на Севере два коренных этнографических типа. «Один – низкорослый, приземистый, черноволосый. Другой – высокий, русый, голубоглазый, с правильным овальным лицом» [2, с. 188]. Брачных контактов русских земледельцев и промышленников с инородцами почти не было, но из-за небрачных отношений внешние различия постепенно стирались [8, с. 262]. Противоречия приобретали этнокультурный и религиозный характер. Диалог культур начинается с факта присутствия одной культуры в другой, а заканчивается разделением социума на «своих» и «чужих». На языке коми «Мезень» – «удачливая река». Поселения группировались по течению. Рядом с ненцами, мезенскими зырянами и коми соседствовали русские крестьяне и промышленники, среди которых особняком жили староверы. Коми ижемские и печорские неприязненно относились друг к другу. У коми было около 10 родов, между которыми складывались сложные отношения. Ненцы нередко становились батраками у ижемцев. Стада оленей кочевали по Канинской, Тиманской, Большеземельской тундре. Мезенские поморы ходили с зимовкой на Шпицберген, а без зимовки – на Новую Землю, ставили рюжи на Канине. Для местных пространственных представлений характерно измерение пути не километрами и верстами, а временем, которое требуется на дорогу.

Крестьяне выбирали для жительства возвышенные берега с учетом подъема уровня воды в половодье. Морские приливы, достигающие 8 и более метров, заставляли «жить по воде». Кустовые поселения разрастались в устьях небольших речек и ручьев, впадающих в Мезень. Их названия переходили в наименования сел и деревень. Топонимические легенды имеют поливариантный характер, дополняя и уточняя «идею места». Палуга, Кеслома, Копылиха, Азаполье, Мелогора, Целегора, Чирсогора, Погорелец, Жердь, Дорогоры, Кильца и Кимжа известны в XVI веке или упоминаются в документах начала XVII века. В 1865 году количество жителей в упомянутых селах и деревнях составляло от 148 до 361 чел. Дальнейшее уве-

личение численности населения инициировало миграцию и расширение акватории морских промыслов. В Помезенье до сих пор бытует поговорка: «До Тюмени – все мезенцы».

Деревянные кресты, поставленные по обету, были пограничными маркерами: навигационными знаками, местом молебнов, проводов и встреч. Локальное социокультурное пространство формировалось вокруг храмов, которые ставили в центре села, на возвышенности, на берегу моря или на полуострове. Выбор места для строительства храмов и часовен должен быть определен «свыше»: интуитивно или мистически. Учитывался преобладающий ветер, местные ландшафтные условия. Дома иногда строили «задом к реке». Практические потребности вступали в противоречие с убеждением, что у каждого места есть свое предназначение.

Наименование церквей и часовен в упомянутых выше поселениях нигде не повторяется, за исключением дер. Мелогоры и с. Кимжа, где часовня и церковь освящены в честь иконы Божией Матери Одигитрии. Священная география указывает на почитание иконы Сретения Господня, иконы Казанской Божией Матери, памятование о Рождестве Иоанна Предтечи, Святом Георгии, Илии Пророке, Святителе Николае, Зосиме и Савватии Соловецких, первоверховных апостолах Петре и Павле. Святитель Николай, Зосима и Савватий оберегали промышленников в опасности. Апостолы Петр и Павел покровительствовали рыбакам, Святой Георгий – земледельцам. Илия Пророк сохранял от пожаров. У Божией Матери искали покровительства женщины. Аксиология Помезенья указывает на пограничный тип хозяйствования. Хозяйственные занятия крестьян Помезенья сочетают в себе земледелие, скотоводство, рыбный промысел и ремесла, необходимые для натурального хозяйства.

Каждая семья в деревнях и селах на берегах Мезени имела «уличную фамилию», необходимую для различения однофамильцев. У восточных славян прозвища нередко происходили от имен родоначальников. В такой род входило несколько семей со своими фамильными име-

нами [6, с. 91]. В Помезенье прозвища соответствовали именам основателей родов. Фофановы – Васины. Ловцевы – Романовы. Поповы – Нечаевы – Налимовы.

В Азаполье было 9 местных фамилий: Шмаковы, Борисовы, Дьячковы, Ловцевы, Казаковы, Шульгины, Юдины, Кожевниковы, Башловкины, и все семьи имели прозвища. Дети и внуки Шмаковой Александры Никаноровны – Корешки. Казаковы – Вагановы – Казаковщина. Казаковы родом из деревни Пешы. Вешняковы – одни, поэтому у них нет прозвища. В Долгощелье – местные фамилии: Широкие, Буторины, Медведевы, Поповы. Нечаевы – Манесины. Бабка вместо имени Манефа сказала «Манеся», и появилось прозвище Манесины. Нечаевы – Синегины. Внуки у бабушки Синегина – Синегины. Нечаевы – Арсины. Был у них дед Арсений. У Гавриловичей уличная фамилия Шмаковы. Шмаковых также называли «кычки» (собаки). Дьячковы – Выи. Прялухины – Поконеевы. Широковы – Архиреевы – Селиверстовы – Елеины – Васины. По мнению Ружникова Василия Васильевича, 1942 г. р., из с. Погорелец, «прозвище дается тем, кто что-либо неправильно скажет, сделает или сворует что». В Койде Малыгиных называли Писулькины. Прозвище произошло от неправильно произнесенного слова «печурка». У деда Малыгина было прозвище Крень. Поповых называли Кузьмины, потому что дед у них был Кузьмич. Следует различать промысловые роли, выраженные в характерных наименованиях. *Зашишка* – главный промышленник: от слова «шишка». *Подскульщик* – физически крепкий зверобой. Когда лодку тянут по льду и по снегу на кожаных ляшках, подскульщик встает «под скулой» – у носовой части лодки.

Список литературы

1. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск, 2004.
2. Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 188.

Одним из механизмов конструирования социокультурного пространства является локальная топонимия. «*Чищаницы*» обычно называли именем человека, который расчистил от леса участок пашни. *Полупрежье* – расстояние от пожни до пожни. Основанием для наименования пожни были ее внешние приметы: особенности ландшафтного характера, расположения к известному месту, внешний вид. Койдинские пожни: Островок, Гари, Черна река, Други станы, Узка река, Половина, Карауленка, Шипишники. «Кочеватый» луг называли *лыва*.

Наименование рыболовных тоней соответствовало внешним особенностям рёмки (слияния ручьев в протоку). У каждой деревни была своя семужья тоня. Койдинские тони: Немничкое, Отпускно, Прорывы, Воронов, Яровато, Малая Кедовка, Мелехово, Дровяны, Большая Кедовка, Корабельне. Во Вшивой губе промышленники пережидали погоду, но имели возможность вымыться. Все наименования имеют прямую или косвенную связь с морскими промыслами, топографически оформляя социокультурное пространство по отношению к особенностям ландшафта и его хозяйственным функциям.

Механизмы конструирования социокультурного пространства представляют собой полифункциональную коммуникативную структуру, выраженную в топонимике, ономастике, топографии. Принадлежность к территориальной или семейной общности маркируется бинарными понятийными оппозициями, разделяющими крестьянский мир на «своих» и «чужих» по принадлежности к семье, к родовым именам и природным ресурсам. Состояние трудного диалога, не переходящего в конфронтацию, позволяло жителям Помезенья эффективно решать общие хозяйственные задачи в суровых приполярных условиях.

3. Новиков А.В. Деревни Лешуконья. Исторические очерки. Архангельск, 2007.
4. Окладников Н.А. Мезенские деревни. Исторические очерки. Архангельск, 2012.
5. Плюснин Ю.М. Мезень: реальность натуральной жизни // Отеч. записки. 2006. № 5.
6. Суперанская А.В. Имя через века и страны. М., 1990. С. 91.
7. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.
8. Харузин Н.Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. С. 262.

References

1. Drannikova N.V. *Lokal'no-grupповые prozvischa v traditsionnoy kul'ture Russkogo Severa* [The Local-Group Nicknames in Traditional Culture of the Russian North]. Arkhangelsk, 2004.
2. Efimenko A. Ya. *Krest'yanskoe zemlevladienie na Krainem Severe* [Peasant Ownership of Land in the Far North]. *Issledovaniya narodnoy zhizni. Vyp. 1: Obychnoe pravo* [The Study of National Life. Iss. 1: Common Law]. Moscow, 1884, p. 188.
3. Novikov A.V. *Derevni Leshukon'ya. Istoricheskie ocherki* [The Villages of Leshukonye. Historical Essays]. Arkhangelsk, 2007.
4. Okladnikov N.A. *Mezenskie derevni. Istoricheskie ocherki* [The Villages of Mezen. Historical Essays]. Arkhangelsk, 2012.
5. Plyusnin Yu.M. *Mezen': real'nost' natural'noy zhizni* [Mezen: The Reality of Natural Life]. *Otechestvennye zapiski*, no. 5, 2006.
6. Superanskaya A.V. *Imya cherez veka i strany* [Name Through the Centuries and Countries]. Moscow, 1990, p. 91.
7. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, 2004.
8. Kharuzin N.N. *Russkie lopari (Ocherki proshlogo i sovremennogo byta)* [Russian Lapps (Essays on the Past and Modern Life)]. Moscow, 1890, p. 262.

Matonin Vasily Nikolaevich

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

MECHANISMS OF FORMING SOCIOCULTURAL SPACE IN THE MEZEN AREA

The article studies mechanisms of forming sociocultural space of settlements and villages in the area along the banks of the Mezen River. These mechanisms are represented through the toponymy, onomastics, nicknames and ancestral surnames. Self-identification of villagers involves division of the peasant society into "us" and "them" by their belonging to a certain area, family, kin and natural resources.

Keywords: *sociocultural space, axiology, binary oppositions, communication structures, toponymy and onomastics of the Mezen area.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: matoninv@yandex.ru

Рецензент – Попова Л.Д., доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова